Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 36, Is. 2, pp. 20–28, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-20-28
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94

The Tibetan Context in Khoshut-Qing Relations: from Equality to Subordination

Baatr U. Kitinov¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of General History, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kitinov@mail.ru

Abstract. Between the 1600s and 1630s, the Khoshuts were the most powerful Oirat tribe. Therefore, when the leaders of the Gelug school made an appeal to Oirats for military assistance in the intersect struggle in Tibet, the *chuulgan* (Mong. 'congress') of Oirat rulers made a decision to send some combined forces to the Land of Snows. After the successful campaign of the Khoshut Güshi Khan in 1637–1642, the Fifth Dalai Lama Lobsang Gyatso, who became the spiritual and secular head of Tibet, granted him and his descendants the titles 'Ruler of Faith' (Tib. *chogyal*) and 'King of Tibet' (Tib. *gyalpo*). Then, Güshi Khan established close relations with the Manchu Qing dynasty, the new rulers of China, and managed the organization of his own state in Qinghai for which he wrote the main legislative act known as *Khökhnuuryu chuulgany tsaazyn bichig*. However, his sons divided the domain into two parts — Tibetan and Kokonor (Qinhai) ones between which, especially at the time of Gyalpo Lhabzang, Gushi Khan's grand-grandson, tensions and hostility arose. Lhabzang also entered into a confrontation with the powerful *desi* (Tib. 'regent') Sangye Gyatso which resulted in death of the latter in 1705. The Sixth Dalai Lama Tsangyang Gyatso's displacement by Lhabzang and the appointment of the new Dalai Lama, Ngawang Yeshe Gyatso, led to an escalation of hostilities with other Oirats which resulted in the capture of Lhasa by the Dzungars in 1717 and the establishment — due to the Qing support — of the Seventh Dalai Lama Kelzang Gyatso's rule in Tibet. The Qing government had approved a new administrative structure in Tibet — *Kashag* — the leaders of which Kanchenne and Pholanay had somewhat special relationships with the Khoshuts: the first one was Lhabzang's son-in-law, and the latter was considered an incarnation of Galdan Tsewang, Güshi Khan's grandson. Khoshuts were viewed upon by the Fifth Dalai Lama as an important force for the future of the Gelug school, and Manchus also intended to preserve the role of Khoshuts in Tibet, but after the 1723 attempted Kokonor uprising by Luvsandanzan in the region, Beijing completely and dramatically changed its policies: the Khoshuts lost the right to be kings of Tibet, and were incorporated into the Qing Empire.

Keywords: Güshi Khan, Dalai Lama, Kokonor, Lhabzang, Khoshut, Qing

Введение

Первая треть XVII в. была особенным периодом в истории ойратов и школ тибетского буддизма, в некоторой степени имевших схожие процессы. У первых происходило политическое и этническое размежевание, хотя все еще сохранялось понимание необходимости единства в особенных случаях. У вторых подобное размежевание основывалось на борьбе за власть (Карма Кагью) и выживание (Гелук), когда религиозные контексты оказались тесно переплетены с политическими, и ни о каком единстве не могло быть и речи. Неудивительно, что в ситуацию оказались вовлечены соседние народы, в частности, монголы и ойраты. Для последних буддизм имел особое значение, он оказывал сильное воздействие на этническое и политическое развитие ойратского сообщества; вместе с тем, как представляется, он в известном смысле способствовал сохранению и актуализации традиционных для ойратов идей и представлений о взаимодействии власти и религии (идеологии), когда духовному фактору уделялось первостепенное значение. Данный дискурс также сыграл свою роль, когда лидеры Гелук обратились за помощью к ойратам. Дальнейшее развитие событий будет характеризоваться вовлечением, в нарастающей степени, в процессы в Тибете и Цинхае (Кукунорский регион) маньчжурской Цинской династии.

Методология исследования

Особенности привлекаемых источников и материалов обусловили необходимость использования таких методов исследования, как логические, общенаучные и междисциплинарные; тем самым стало возможно провести анализ и сравнение исторических сведений, их обобщение, выделить специфику процессов, определить их этнический и религиозный контексты. Комплексное рассмотрение отдельных основных событий из истории отношений между хошутами и цинами, между самими хошутами позволяет указать на роль тибетских обстоятельств, как дополнительных, в подчинении данного ойратского народа Пекину.

Основная часть

Руководители ойратов приняли решение отправить объединенные силы в Тибет под командованием хошутского лидера Турубайху, именуемого также как Гуши-хан (1582–1654). Он сыграл выдающуюся роль в истории Тибета и был известен как Тен-

зин Чокьи Гьялпо (*bstan dzin chos kyi rgyal po*) — ‘Покровитель и Правитель Учения’; этот титул был вручен ему Далай-ламой Пятым Нгавангом Лобсаном Гьяцо (*ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682) в центральном лхасском храме Джоканг в 1637 г. На этой же встрече было решено, что он со своим народом поселится у озера Кукунор; таким образом возникло Хошутское ханство [Успенский 2014].

Надо заметить, что военные действия Гуши-хана в период 1637–1642 гг. являются последними крупными военными операциями, проведенными совместными силами ойратов.

Деятельность Гуши-хана была поддержана маньчжурами, которые спустя несколько лет станут новыми правителями Китая. Когда тибетские лидеры послали в 1637 г. посольство в Мукден ко двору маньчжуров, их сопровождали ойраты, скорее всего, хошуты. В ответ император Абахай, буквально годом ранее объявивший о начале династии Цин, через своих посланников отправил письма к тем, кто обращался к нему, в том числе и Гуши-хану, за помощью и поддержкой. Вот что было отмечено в письме к ойратскому лидеру:

«Великодушный, гуманный и совершенномудрый император Великой империи Цин шлет письмо Гуши-хану. Я узнал [о том, что в Тибете были] нарушавшие путь — дао и шедшие против учения [Будды] и что ты их покарал. Я обратил внимание на то, что с глубокой древности, когда управляли совершенномудрые ваны, буддийское учение никогда не прерывалось. [Поэтому и я] хочу в настоящее время оказать почести знаменитым монахам Тибета, для чего и послал совместно с Илагуксан-хутухтой послов [ко всем ламам] без различия цвета их облачения, будь оно красным или желтым, с тем чтобы они повсеместно выявляли [нужных] для распространения учения Будды и обеспечения государственного благополучия [лам]. Знай же это» [Мартынов 1978: 85–86].

Содержание письма и его покровительственный тон свидетельствуют о попытке маньчжурского лидера перенять китайскую традицию поддержки религии и ее использования в государственных интересах. Вместе с тем, это — один из ранних документов, подтверждающих высокое положение религии в период политических трансформаций у ойратов, тибетцев и маньчжуров.

Обсуждение

После 1642 г., когда враги Гелук были подчинены или уничтожены, Далай-лама и Гуши-хан установили отношения чой-йон (*chos-yon*) [Ruegg 2003], которые подразумевали союз между ламой-наставником и светским лидером-покровителем. Далай-лама получил поддержку хошутских войск по всему Тибету, и довольно скоро ситуация в Тибете была умиротворена после многих лет борьбы. Таким образом, благодаря поддержке Гуши-хана, возникло государство с религией в качестве руководящего принципа во всех сферах жизнедеятельности.

Гуши-хан в основном пребывал у Кукунора, приезжая в Лхасу по религиозным и политическим делам. Вероятно, одним из самых значительных достижений Гуши-хана в формулировании идеологических (религиозных) оснований своего государства следует признать составленное им законодательство.

Далай-лама отметил в Автобиографии, что высказал свое мнение по подготавливаемому Гуши-ханом основному законодательному акту (для хошутов), и написал введение к уставу его правительства (*sog po'i gzhung*)¹. Гуши-хан является составителем такого важного юридического документа, как «Основное уложение кукунорского чулгана»² (*Хөхнуурын чуулганы цаазын бичиг*), в подготовке которого он опирался как на монгольские правовые традиции (например, подобное законодательство Алтан-хана), так и на мнения и знания своих близких друзей, например, дэси (*sde srid*) Соднама Рабтана (*bsod nam rab brtan*, также известный как *bsod nams chos 'phel*, занимал должность до 1659 г.). В документе значительное внимание уделено роли буддизма, в этой части оно также перекликается с ойратомонгольскими законами 1640 г. Х. Цэнгэл, написавший специальное исследование по этому малоизученному вопросу, отмечает, что «Основное уложение кукунорского чулгана» является важным редким историческим памятником [Цэнгэл 2017: 131].

Гуши-хан скончался в конце 1654 г. Более трех лет политические процессы в Тибете шли под контролем Далай-ламы и дэси, после чего в феврале 1658 г. тибетский ие-

парх назначил царем (*rgyal po*) Даяна (Далай Батура), старшего сына Гуши-хана.

Вот что записано в Автобиографии Далай-ламы:

«Глава Палкор Чойде, [которого звали] Чаган номон хан, и Сечен Понпо, искусные в традициях и потому много знающие в направлениях доктрины, на встрече с правителем Дордже рассказали ему о славной сущности этого события, подобной сверканию [солнца] в осенний день. В шестой день [я] возвел его на трон и официально назначил как Тензин Дордже Гьялпо. Красный и белый шелка, чай, одеяния и особые шерстяные одеяния, были во множестве преподнесены в больших наборах»³ [Ngag bdang 2012: 458]. В конце того же 1658 г. он стал хунтайджи: «Множество предметов, таких как одеяния, колчан, меч и т. д. в большом разнообразии были подарены Далай Батуре при официальном назначении на позицию Далай хунтайджи»⁴ [Ngag bdang 2012: 473]. При Даян-хане ситуация в Тибете в целом была спокойной, он скончался в 1670 г., после него царем (гьялпо) стал Далай-хан, его сын (правил до 1700 г.).

В 1697 г. Далай-хан решил послать к императору Канси гонцов с поздравлениями в связи с победой над джунгарским Галданом Бошокту ханом [Petech 1966: 268]. На чулгане тибетских и кукунорских хошутов в Цаган Тологай было решено отправить к императору общую делегацию; Канси согласился принять ее в Пекине, куда посланцы во главе с Даши Батуром прибыли в начале 1698 г. Хошуты Тибета представлял Пунцог, один из братьев Далай-хана и Даши Батура.

Даши Батур (1632–1714), также известный как цингванг Батур тайджи, был младшим сыном Гуши-хана. Как и положено по традициям монгольских народов, как младший сын («отчигин») он возглавил хошуты Кукунора после смерти своего отца и объявления в 1658 г. Далай-ламой его брата Даяна

³ «cha gan no mon khan/ dpal 'khor chos sde'i mkhan po/ se chen dpon po can lugs de la mkhas pa mang po dang sde pa bka' bgros pa'i rdo rje re la 'phrod lam yod pa'i snyan pa dang bcas 'char ston byung ba bzhin tshes drug gi khri 'don skabs bstan 'dzin rdo rje rgyal po'i cho lo phul/ shal dkar dmar ja gos dang snam bu phung por spungs pa'i ster cha gtos che ba».

⁴ «gon pa/ sag thag ral gri sogs ster cha tshan grangs dang bcas da la'i pa thur la da la'i hung tha'i ji'i cho lo byin».

¹ «rgyal pos khrims yig mdzad rtsis dang sog po'i gzhung gi dan yig 'go brjod» [Ngag dbang 2012: 251–252].

² Чулган — съезд, конференция народных лидеров.

царем Тибета; фактически тогда случился распад хошутского ханства на «тибетскую» и «кукунорскую» части. Даши Батур так же, как и его брат, не был на стороне джунгарского Галдана Бошокту хана во время его войны с цинами, и поэтому, когда Галдан был разбит и покончил с собой, Даши Батур согласился возглавить хошутскую делегацию в Пекин, где ему и его сопровождению вручили титулы. Вот что сообщает «История Хо-Урлюка»:

«<...> в 40-м году¹ правления Энгкэ Амугулана² старшим³ был оставшихся из 10 сыновей Гүүши-хана Дашибаатур, и под его началом Кукунорский нутук принял подданство [Цинской империи]. Дашибаатуру был пожалован титул чин-вана, [другим] принявшим подданство князьям — титулы цзюнь-вана, бэйлэ, гуна. Всего за саками⁴ было назначено тридцать человек. После смерти Дашибаатуры его титул чин-вана наследовал его сын Лубсанг-Данджин» [История ... 2016: 34].

Л. Петек пишет, что в 1703 г. Даши Батур вновь встретился с императором в Сианьфу, «чем и подтвердил окончательное вхождение хошуты в политическую систему маньчжуров» [Petech 1966: 282]. Даши Батур был особенно близок с Панченем Лобсаном Еше (*blo bzang ye shes*, 1663–1737) и трижды посещал Ташилхунпо — в 1674, 1680 и 1690 гг., в интервалах и после 1690 г. к Панчену ездили его посланники. Но к Далай-ламе он лишь однажды послал своих представителей, что случилось в 1698 г., т. е. в тот год, когда он отправился в Пекин; «вероятно, это было что-то вроде уравнивания» [Petech 1966: 282]. Л. Петек считал его бледной фигурой, игравшей скорее разрушительную роль [Petech 1972: 22].

В 1712 г. Даши Батур совместно с Дайчин-Хошочи (также известный как Цаган Дандзин и Галдан Бошокту Эрдэни, ?–1735), который был сыном Бошокту джинонга и правнуком Гуши-хана, объявил об обнаружении инкарнации Шестого Далай-ламы в Литанге (Кхам) — будущего Седьмого Далай-ламы Лобсана Калсанга Гьяцо (*blo bzang bskal bzang rgya mtsho*, 1708–1757). Как писал Л. Петек, «потомки Гуши-хана,

живущие там [у Кукунора], всегда были довольно ревнивы к своим кузенам в Тибете; и, возможно, также подталкиваемые ламами, они увидели здесь возможность понизить высокое положение Ладжана, несмотря на защиту маньчжуров. Как обычно для ламаистских стран, политическое намерение было одето в религиозную одежду» [Petech 1966: 281].

Лхавзан (1658–1717), названный Ладжаном в исследовании Л. Петека, был вторым сыном Далай-хана. Когда последний скончался в конце 1700 г., гьялпо (царём) стал Вангъял, его старший сын. Но он правил недолго и умер до лета 1703 г., будучи отравленным Лхавзаном; таким образом, новым гьялпо Тибета стал Лхавзан [Sum-pa 1969: 44]. В том же году Чжамьян Шадба, настоятель Дрепунга, пожаловал ему имя Чингисхан [Гончог 2008: 177]. Под этим именем Лхавзан был известен и у мусульманских подданных Джунгарии: по свидетельству капитана И. Унковского, общавшиеся с ним «бухарцы», подданные джунгарского правителя Цэван-Рабдана (*tshe dbang rab brtan*, 1663–1727), сообщили, что «Араптан решил женить дочь за сына Чингис-хана, который живет при Далай-ламе» [АВПР. Оп. 113/1. Д. 1. Л. 104].

Надо заметить, что почти веком ранее и Лигдан-хан, прямой потомок Чингис-хана, тоже называл себя «правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом» [Мартынов 1978: 65]. Вероятно, в обоих случаях важна была не столько попытка присвоить себе как звание имя великого предка, сколько стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху» и идентифицировать себя как истинного лидера.

Лхавзан вскоре вступил в конфликт с могущественным регентом — дэси Сангье Гьяцо (*sangs rgyas rgya mtsho*, 1653–1705), фактически в одиночку руководившим Тибетом в период после смерти Далай-ламы Пятого. Как отмечают современные тибетские историки, сфера его ответственности была обширна: к 13 основным должностям дэси со временем добавилась должность чиновника, ответственного за жертвоприношения, и три другие должности. Основной у него была управленческая работа, которая позже, при разделении его ответственности на другие должности, охватила такие сферы, как деятельность калонов (министров), полководцев, судей, крупных и мелких

¹ В. П. Санчиров считает, что это случилось в 1701 г. [История ... 2016: 34], согласно Л. Петеку — в 1697–1698 гг. [Petech 1966: 282].

² Т. е. Канси, правил в 1662–1722 гг.

³ Он был младшим.

⁴ Руководители хошунов.

управляющих, чиновников, начальников уездов, управляющих и служителей храмов, посланников с императорскими указами, а также иных чиновников¹ [Bod mi'i 2002: 32].

Дэси Сангье Гьяцо скрывал смерть Далай-ламы почти 15 лет. Будучи личностью весьма деятельной, он смог добиться ослабления в стране хошутского влияния. Однако, столкнувшись с давлением со стороны Лхавзана в вопросе обладания политической властью в стране, он был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место сына — Нгаванга Ринчена. Тем не менее отношения между ними обострились, и противники вскоре столкнулись в открытом сражении. В 1705 г. Сангье Гьяцо потерпел поражение и был взят в плен, а затем казнен. Лхавзан составил отчет о событиях в Пекин. Император, недовольный бывшим регентом за сокрытие правды о смерти Пятого Далай-ламы, поддержал Лхавзана и выслал ему титул «ифакун шунь-хан» (*I-fa-kung-shun-han*) [Petech 1972: 15]. Вместе с тем Канси отдавал отчет в отсутствии у Лхавзана авторитета среди хошутских правителей Кукунора и тибетцев. Вот что он писал в своем указе от 1709 г.: «Цинхайский народ и тайцзи не ладят с Лхавсаном, он не может один заниматься управлением Тибета, необходимо направить чиновника в Тибет для совместного управления» [Люлина 2016: 90].

Лхавзан, фактически ставший после смерти дэси единственным правителем Тибета, столкнулся с новой оппозицией в лице Шестого Далай-ламы Цаньяна Гьяцо (*blo bzang rin chen tshangs dbyangs rgya mtsho*, 1683–1706). Вероятно, Лхавзан пытался достичь с ним каких-то договоренностей, но, поскольку Далай-лама был воспитан казенным дэси, такие попытки были обречены на провал. Тем не менее, ввиду специфического поведения Далай-ламы, хошутскому хану, который скомпрометировал его как «фальшивого» духовного лидера, удалось

¹ «sde srid sangs rgyas rgya mtshos sa skyi' dus ky i las mtshan bcu gsum nas mchod dpon sogs khag gsum phud thog gsar du las mtshan rnam grangs kha snon mdzad pa'i dang po srid skyong gi byed sgo dang/ de nas bka' blon/ dmag dpon/ zhal lce gcod pa/ bzo rigs do dam/ gnyer pa'i rigs che phra/ sdom gcod pa/ mi dpon/ phyogs mtha'i rjong gzhis/ grva mtshan khag gi gnyer pa/ mtshong dpon/ rda ro kha'i 'go pa/ dkon gnyer/ gser yig pa/ bkar rgya yong sdud la sogs pa phyi nang las tshan gyi spang blang byed sgo'i rim pa dvangs shel nyer gcig zhes pa dang/».

заручиться поддержкой императора: из Пекина последовал указ направить Далай-ламу ко двору. В 1706 г., по дороге в Пекин, Цаньян Гьяцо скончался недалеко от озера Кукунор. Дэси Нгаванг Ринчен также был отправлен в Пекин совместно с Цаньян Гьяцо, и, в отличие от второго, он смог предстать перед императором, и затем был поселен недалеко от Пекина [Petech 1972: 17].

Лхавзан «нашел» «подлинную» инкарнацию Великого Пятого в лице монаха Нгаванга Еше Гьяцо (*ngag dbang ye shes rgya mtsho*)², который был полностью зависим от нового тибетского правителя. Он был признан Панчен-ламой V и императором Канси, но не пользовался популярностью среди тибетцев. Такая ненормальная ситуация разрешилась лишь в конце 1717 г., когда джунгарская армия, под предлогом сопровождения сына Лхавзана, бывшего мужем дочери джунгарского правителя Цэван-Рабдана, штурмом овладела тибетской столицей. Лхавзан погиб в бою близ Поталы, а «Далай-лама» был выдворен оттуда.

После вытеснения из Тибета джунгаров в 1720 г. маньчжурской армией перед Пекином встала задача организации новой эффективной власти и определения места и роли религиозного лидера — Далай-ламы. Первое было решено достаточно скоро — в 1721 г. «временное правительство», которое возглавлял представитель императора, было распущено. Был создан кабинет кашаг (*bka-bshag*), куда вошли четыре калона (*bka' blon*) (министра), он разместился в старейшем лхасском монастыре Джоканг. Наиболее известным из калонов был Канченнэ (*khang chen nas*), бывший руководителем из местечка Нгари Корсум (*mnga' ris skor gsum*) в Западном Тибете, он же и возглавил правительство. Незадолго до этого назначения он прославился уничтожением джунгарского отряда, когда последний, доверяя ему, решил остановиться в его резиденции. Канченнэ возглавил Нгари Корсум буквально за год-два до смерти Лхавзана [Sperling 2012: 205].

Представляющие различные регионы страны, калоны часто не могли согласовать свои представления о развитии Тибета и текущих задачах, между ними часто возникали споры и конфликты, которые закончились в 1727 г. убийством Канченнэ и началом гражданской войны. В таких условиях

² Л. Петек допускал, что он был сыном самого Лхавзана. См.: [Petech 1972: 17–20].

за восстановление порядка взялся Миванг Пхоланай (*mi dbang pho lha nas*, правил в 1728–1747 гг.), один из калонов, подавший в отставку незадолго до трагедии. Он разгромил военные соединения убийц-калонов, схватил их и возглавил управление страной. В конце того же года прибыли представители императора Юнчжэна, которые провели суд и подтвердили право Пхоланая править Тибетом.

Надо отметить следующую особенность тибетской политики маньчжурских правителей: они выдвигали на властные посты в Лхасе людей, так или иначе связанных с хошутами. Например, по свидетельству Сун-юна (1752–1835), этнического монгола из Синего знамени, представлявшего цинский двор в Лхасе в период 1794–1799 гг., Канченнэ был зятем Лхавзана [Heissig 1962: 88]. Не менее интересна личность и Миванга Пхоланая: он являлся инкарнацией хошутского военачальника и ламы Галдана Цеванга (*dga' ldan ts'e dbang*), покорившего центральной власти (Галдан Пходрангу) регион Нгари в 1678–1683 гг. Более того — Галдан Цеванг был внуком Гуши-хана [Sperling 2012: 203]. Таким образом, указанные тибетские политики, возглавлявшие страну после периода правления Далай-ламы VI и джунгарского завоевания, имели особого уровня отношения с хошутским народом.

В свое время Далай-лама V особенно выделил роль хошуты для будущего школы Гелук: «В отличие от прежних школ, сейчас у тех, кто носит желтую [шапку] учения, хорошее и плохое зависит от покровителей, живущих на севере, и тех, кто обитает в регионе Кукунора. Соответственно, чтобы избежать [проблем] и существовать, я благословил царя и его брата [посвящением] «деяния и смерти», связав себя с ними обетами»¹ [Ngag dbang 2012: 476–477]. Вероятно, маньчжуры также были заинтересованы в хошутах, поскольку последние традиционно обеспечивали спокойствие в Тибете и тем самым выступали в качестве охранителей религиозных интересов тибетцев.

Ученые отмечают, что маньчжурский двор вначале, т. е. после изгнания джунгар, предполагал оставить за хошутами по-

зицию «царя Тибета» [Ishihama 1997: 421]. Тем более что и сами хошуты рассчитывали на такое разрешение ввиду их преданности Далай-ламе: «благородные потомки Гуши-хана с ранних времен последовательно интронизировались царями Тибета, и вновь все должно быть как прежде» [Sum-pa 1969: 49]. Через хошуты можно было влиять на других ойратов — джунгаров или торгутов, чьи посольства и паломники двигались в Тибет через земли Кукунора. Возможно, свою роль сыграло и наследие Великого Пятого Далай-ламы; как отмечает В. Л. Успенский, его личность «доминировала над всем этим миром [Центральной и Восточной Азии] не только при его жизни, но и много лет спустя после его кончины» [Успенский 2011: 207]. Однако после восстания Лобсана Данзина в 1723 г. [Солощева 2013] цинское правительство кардинально трансформировало свою политику в отношении хошуты — прежде всего, они навсегда лишились титула «царей Тибета», да и сам титул был предан забвению. Фактически была аннексирована территория, которая еще со времен Гуши-хана относилась к юрисдикции хошуты (богатый Кхам), а они сами вошли в административную систему Китая. Как отмечал цепен В. Д. Шакабпа, «хошеуты утратили интерес к попытке возврата тибетских территорий, уступленных маньчжурам» [Шакабпа 2003: 141].

Изменение в политике Цинов в отношении хошуты определил целый комплекс факторов и обстоятельств. Во-первых, политические: хошуты имели родственные отношения с джунгарами, и те, и другие были ойратами и признавали это родство; такие связи угрожали безопасности как северо-западных, так и юго-западных границ империи. Во-вторых, религиозные: несмотря на обнаружение хошутами инкарнации Далай-ламы VI, Далай-ламы VII Лобсана Калсанга Гьяцо, деятельное участие в его воспитании (он жил в монастыре Кумбум, т. е. на территории, подконтрольной хошутам) и препровождении в Поталу после изгнания джунгар, они уже не воспринимались духовенством Тибета и рядовыми тибетцами как защитники веры. Более того, в одном из своих декретов 1726 г. к Далай-ламе император Юнчжэн ставит фактически в один ряд «повстанцев-джунгаров» и кукунорского правителя Лобсана Данзина: «Позже, когда Лобсан Данзин поднял бунт, я боялся,

¹ «sngar dang mi 'dra ba'i zhva ser 'chang ba'i bstan pa 'di byang phyogs kyi sbyin bdag rnam dang khad nyer mtsho sngon po skor gyi dus bde dog la rag lus pa 'dra zhig 'dug pas las gshin gyi rjes gnam gi sgo nas rgyal po sku mched dam tshig sbrel».

что бандиты налетят на Лхасу, поэтому я послал командира Чжу Ина <...> чтобы обеспечить защиту» [A Collection 1995: 41–50]. В-третьих, административная: хошуты показали свою неспособность выдвинуть единого лидера, который признавался бы ими всеми, результатом чего была неясная ситуация с управлением в Тибете. В-четвертых, экономические: с переходом под управление Пекина региона Кхам экономика Тибета оказалась подконтрольна центральному правительству в Пекине, и хошуты уже не имели финансовых рычагов для обеспечения контроля и порядка в Тибете.

Заключение

Вовлечение хошут в межрелигиозные столкновения в Тибете привело к установлению в Лхасе в 1642 г. власти Далай-ламы, главы Гелук. Облеченный доверием и поддержкой со стороны тибетского и маньчжурского лидеров, хошутский Гуши-хан, усмиритель Тибета, с целью сохранения и процветания своего государства в Цинхэе подготовил основной закон («Основное уложение кукунорского чулгана»), основываясь на монгольском и тибетском законодательствах. Однако с распадом его государства на две части — кукунорскую и тибетскую — его потомки оказались во взаимной вражде; ситуация усугубилась патронированием ими разных Далай-лам: со стороны гьялпо Лхавзана — «истинного» (второго) Шестого, со стороны его кукунорских сородичей — инкарнации скончавшегося (первого) Шестого, будущего Седьмого Далай-ламы. Обе партии полагались на помощь цинского двора, что, наряду с перманентной угрозой со стороны джунгар, привело к постепенному вовлечению Пекина в ситуацию и в дальнейшем к включению Тибето-цинхайского региона в состав цинского государства. В целом в период 1637–1720-х гг. политика цинского двора в отношении хошут прошла три этапа:

1) 1637–1717 гг. — согласие с фактическим положением дел — правлением хошутских «царей» в Тибете, выражавшемся в военном присутствии; период характеризовался поддержкой отношений хошут с Далай-ламой, как соответствующих интересам империи;

2) 1720–1723 гг. — согласие с правом хошут на обладание «царской» властью в Тибете; особенностью периода был поиск устраивающего Пекин механизма управления Тибетом;

3) после 1724 г. — отказ хошутам в наследовании титула «царей» Тибета, ликвидация данного института; начиная с этого года, хошуты полностью лишились какого-либо инструмента влияния на дела в Тибете, более того — они окончательно вошли как административная единица (единицы) в состав империи.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

АВПР — Архив внешней политики Российской империи. Зенгорские дела. [Архив vnesheyn politiki Rossiyskoy imperii. Zengorskie dela [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Dzongar files].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гончог 2008 — Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» / Введен., перев., комментарии Н. В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с. [Könchog Jigme Wangpo. *Povestvovanie o zhizni Vsevedushchego Chzham'yan-Shadbiy-Dorchzhe, moguschestvennogo uchenogo i sid-dkha, nazyvayusheesya «Brod, veduschiy k udivitel'no blagomu udelu»* [A narrative called 'The Ford towards the Virtuous Lot' about the life of all-knowing Jamyang Shepa Dorje, a mighty scholar and siddha]. V. Tsyrempilov (intr., foreword, comm.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB of RAS, 2008. 312 p.]
- История 2016 — История Хо-Урлюка // Санчи-ров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29–35. [Kho Orluk's history. *Pis'mennye pamyatniki po istorii oyratov XVII–XVIII vekov* [History of the Oirats: written monuments, 17th–18th centuries]. Sanchirov V. P. (comp.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 29–35].
- Люлина 2016 — Люлина А. Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс... канд. ист. наук. М., 2016. 183 с. [Lyulina A. G. *Tibetskie instituty vlasti i tsinskaya sistema administrirovaniya: osobennosti vzaimodeystviya (seredina XVII – konets XVIII vv.)* [Tibetan government institutions and the Qing administrative system: peculiarities of mutual relations (mid-17th – late 18th cc.)]. A PhD thesis. Moscow, 2016. 183 p.]

- Мартынов 1978 — Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с. [Martynov A. S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vekakh v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy* [Tibet's status within the traditional Chinese political science framework: 17th–18th cc.]. Moscow: Nauka, 1978. 284 p.].
- Солощева 2013 — Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 1. С. 58–67. [Solosheva M. A. The Kokonor Revolt of 1723–1724 and its historic significance for Tibet. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2013. Iss. 1. Pp. 58–67].
- Успенский 2014 — Успенский В. Л. О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. ст. Выпуск 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 52–59. [Uspensky V. L. Gushi Khan's state. *Tibetologiya v Sankt-Peterburge*. Collected papers. Iss. 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 52–59].
- Успенский 2011 — Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НПИ-Принт, 2011. 367 с. [Uspensky V. L. *Tibetskiy buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Beijing]. St. Petersburg: Studiya NP-Print, 2011. 367 p.].
- Цэнгэл 2017 — Хошууд Цэнгэл. «Алтан хааны цаазын бичиг» хийгээд Гууш хааны «Цаазын бичиг»-ийн харьцаа, холбогдол // Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар, 2017. С. 118–144. [Khoshuud Tsengel. Altan Khan's Code of Laws and that of Gushi Khan: a comparative study. *Oyrad ba deed mongolyn tuukh* [History of the Oirats and Upper Mongols]. A student's book. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 118–144].
- Шакабпа 2003 — Шакабпа В. Д. Тибет: Политическая история. Пер. с англ. А. Дюранова. СПб.: Нартанг, 2003. 432 с. [Shakabpa W. D. *Tibet: a political history*. A. Dyuranov (transl.). St. Petersburg: Nartang, 2003. 432 p.].
- A Collection 1995 — *A Collection of Historical Archives of Tibet*. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1995. 107 p.
- Bod mi'i 2002 — *Bod mi'i khirms mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod kyi kha phyogs*. Dharamsala: LTWA, 2002. 458 p.
- Heissig 1962 — Heissig W. Some Notes by Sung-yün on the Administration of Tibet. *Oriens Extremus*. 1962. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–89.
- Ishihama 1997 — Ishihama Y. New Light on the 'Chinese Conquest of Tibet' in 1720 (based on the new Manchu sources). *Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995*. Krasser H., Much M. T., Steinkellner E., Tauscher H. (eds.). Vol. 1–2. Wien: Austrian Academy of Sciences, 1997. Pp. 419–426.
- Ngag dbang 2012 — *Ngag dbang blo bzang rgya mtsho*. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang [The autobiography of the Fifth Dalai Lama]. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012. Vol. 1. 640 p.
- Petech 1966 — Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century. *T'oung Pao, Second Series*. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5. Pp. 261–292.
- Petech 1972 — Petech L. China and Tibet in the early 18th Century. History of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p.
- Ruegg 2003 — Ruegg D. S. Mchod yon, yon mchod and mchod gnas / yon gnas: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept. *The History of Tibet*. A. McKay (ed.). London – New York: Routledge Curzon, 2003. Vol. 2. Pp. 362–372.
- Sperling 2012 — Sperling E. Pho-lha-nas, Khangchen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet. *Rocznik Orientalistyczny*, 2012. Vol. 65. Part 1. Pp. 195–211.
- Sum-pa 1969 — *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor*. The annals of Kokonor. Ho-Chin Yang (transl.). *Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series*. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. 125 p.

УДК 94

Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению

Баатр Учаевич Китинов¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация). E-mail: kitinov@mail.ru

Аннотация. Хошуты оказались вовлечены в события в Тибете после обращения глав школы Гелук к ойратам за военной помощью. После успешной кампании хошутского Гуши-хана в 1637–1642 гг. ставший во главе Тибета Далай-лама Пятый Лобсан Гьяцо даровал ему и его потомкам титулы правителя веры (чогьял) и царя (гьялпо) Тибета.

Завершение войны сопровождалось установлением Гуши-ханом тесных отношений с маньчжурами и организацией собственного государства в Цинхае, для чего им был разработан основной законодательный акт. После смерти Гуши-хана его сыновья разделили владения на две части — лхасско-тибетскую и кукунорскую, между которыми, особенно при гьялпо Лхавзане, возникли трения и вражда. Также Лхавзан вступил в противостояние с могущественным дэси Сангье Гьяцо, которое завершилось гибелью дэси в 1705 г.

Смещение Лхавзаном Далай-ламы Шестого Цаньяна Гьяцо и назначение нового Далай-ламы Нгаванга Еше Гьяцо приведет к эскалации отношений с другими ойратами, что завершится захватом Лхасы джунгарами в 1717 г. и в дальнейшем приходом к власти Седьмого Далай-ламы Калсана Гьяцо. Цинское правительство утвердит новую структуру власти в Тибете — кашаг, лидеры которого, Канченнэ и Пхоланай, будут иметь особого рода отношение к хошутам. Вероятно, маньчжуры хотели сохранить роль хошут в Тибете, однако после восстания Лобсана Данзина в 1723 г. Пекин изменил политику: хошуты потеряли право быть царями Тибета и вошли в состав Цинской империи.

Ключевые слова: Гуши-хан, Далай-лама, дэси, Кукунор, Лхавзан, хошуты, Цин